

УДК 821.161.1

ЧЕЛОВЕК В ТРАГЕДИИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА «ПРОМЕТЕЙ»

© 2011 С.А. Кибальниченко

Поступила в редакцию 20 октября 2010 года

Аннотация: В трагедии «Прометей» Вячеслав Иванов переосмысливает античный миф. Из праха титанов, растерзавших Диониса, Прометей создает человеческий род. Его дети наследуют двойственную природу, соединяющую в себе дионисийское и титаническое начало. В трагедии человек уподобляется семени. Чадам Прометея еще предстоит соборным усилием воли восстановить в себе целостный облик растерзанного бога, отказавшись от ложного самоутверждения в ущерб другим.

Ключевые слова: трагедия, миф, человек, семья, титаны, Дионис, первородный грех, античность.

Abstract: In his tragedy «Prometheus» Vyacheslav Ivanov thinks the ancient myth over. From the ashes of the Titans, who have torn Dionysus to pieces, Prometheus creates a human genus. His children inherit dual nature, combining dionysian and titanic principles. In the tragedy man is like seed. Prometheus' children are still to restore in themselves the complete image of Dionysus by common will effort, refusing false self-affirmation to others' detriment.

Key words: tragedy, myth, man, seed, Titans, Dionysus, original sin, antiquity.

Итогом и венцом драматургии Вячеслава Иванова явилась трагедия «Прометей». Античная мифология в ней усложняется библейскими сюжетами, идеями и образами, восходящими к Фридриху Ницше и Владимиру Соловьеву. Избегая «открытой модернизации» древнего предания, Иванов вводит «в свои трагедии современную проблематику» [3, 180]. В частности, в «Прометее» писатель воплотил свои воззрения на сущность и назначение человека.

«С большой буквы написанное имя Человек определяет собою содержание всего искусства» [6, т.2, 614], – утверждал Иванов. Но было бы большой ошибкой считать, что исходил он из обычных гуманистических предпосылок. Напротив, поэта-символиста мало интересовал конкретный индивид с его сложным внутренним миром; на первый план он всегда выдвигал «Человека», взятого в своей последней метафизической глубине. Ярким подтверждением тому служит трагедия «Прометей». Любопытно, что автор первоначально назвал её «Сыны Прометея», заострив тем самым внимание на человечестве, творцом которого был мятежный титан.

В основу «Прометея» положен античный миф о растерзании Младенца Диониса титанами,

философскую интерпретацию которого предложил еще Фридрих Ницше в «Рождении трагедии из духа музыки». В «индивидуации», когда из первоначального единства возникает множество обособленных друг от друга монад, немецкий мыслитель видел «изначальную причину зла», «источник и первооснову всякого страдания». Из улыбки растерзанного Диониса «возникли олимпийские боги, из его слез – люди» [10, 94]. Как полагал Ницше, «разорванный, разбитый на индивиды мир» вновь придет к единству, символом которого станет рождение нового Диониса. Если немецкий философ лишь вскользь упомянул об античном мифе, то Иванов постоянно обращается к нему в своем творчестве. Наиболее полное художественное осмысление древнее предание получает в трагедии «Прометей». Вот как описывается в ней растерзание Диониса.

Подкравшись к Младенцу, поставленному Зевсом владыкой мира, титаны «пожрали плоть его, огнем палящим / Насытились – и пали пеплом дымным» [6, т.2, 145]. Прометей пытается искупить совершенное собратями «метафизическое грехопадение». Из «живой персти», в которой еще теплился огонь Младенца, титан создает человеческий род. Чада Прометея наследуют двойственную природу, соединяющую в себе

титаническое и дионисийское начала. Первое влечет их к греху, отпадению от божественного всеединства, второе — дарует надежду на спасение. При помощи человека Прометей надеется привлечь на землю сердце Диониса, сокрытое Зевсом в глубинах Сущего. Пытаясь усилить в своих детях дионисийское начало, титан сталкивается с ограниченностью своих возможностей. «Небесного умножить в вас огня / Не мог художник: вам иной огонь / Добыть промыслил — от небесных молний», — поведала людям Пандора. Осуществляя свой замысел, Прометей поместил своего женского двойника «на верх горы слепительной», чтобы привлечь небесных орлов. Присмотрев Пандору, «Олимпа хищники» «стремглав к добыче / Низринутись, когтями дробя перун» [6, т.2, 149]. Притаившийся неподалеку Прометей спрятал искры от молний в «полюй тирс». Так был похищен у богов огонь, но надежды, связанные с ним, себя не оправдали.

Совершенное Прометеем преступление обобщается мятежом его «избранников», которым титан вручил похищенный огонь. Архат, приревновав, что первым небесный дар из рук «отца» получил Архемор, совершает братоубийство. Вместе с каиновым грехом в мир входит смерть. Задыхается от быстрого бега Архат, в борьбе со львом гибнет Офельт. С ужасом прометеевы чада узнают о своей грядущей участи. «О вождь! Мы все ль умрем?» — отчаянно вопрошает Никтелией. «Все ль, Прометей?» — переспрашивает Пирр [6, т.2, 125]. Автодик вообще пытается вершить суд над своим создателем: «Ты, не спросясь, творил меня на гибель. / Гляди ж: я умираю, мой отец!» [6, т.2, 126]. Обвиняя титана, он пронзает себе грудь копьем. Ветхозаветная параллель, связанная с братоубийством, усиливается авторским комментарием, который Иванов предпослал трагедии: «Если бы Каин не убил Авеля, Архат — Архемора, ближайшее подобие Диониса в семье чад Прометеевых, — кто знает, пришла ли бы смерть и как пришла бы в среду невинных?» [6, т.2, 164].

Библейские образы появляются в трагедии не случайно. «Новым заветом в эллинстве» [5, 291] называл Иванов «мистическую религию» Диониса, исповедуемую древнейшими орфиками. Прометеевы дети пока еще смутно знают о «Том Едином», чья искра теплится в каждом из них. Они живут в «ветхозаветном» времени. В рамках заданной парадигмы автор старательно пересаживает сюжеты из Книги Бытия на древнегреческую почву. Подобно ветхозаветному Каину, Прометей преподносит богам «личины жертв и мороки обманчивого дыма». Созданию Евы из ребра Адама в трагедии соответствует сотворение Пандоры. При помощи Фемиды Прометей извел из самого себя женского двойника. В трагедии таинственно

выделяется существо жены из существа мужа, то же самое происходит и в Книге Бытия.

Кстати сказать, над этим же библейским мифом размышлял Сергей Булгаков [2, 254-268] и другие современники Иванова. В частности, Николай Бердяев, испытавший на себе влияние гностической философии, в разделении Адама на мужа и жену усматривал начало грехопадения. Пол, по его мнению, обозначает «раскол в целостном, андрогинном образе человека» [1, 282]. Автору «Прометея» близко такое воззрение. В предисловии к трагедии он поясняет, что титан «начинает свое дело с внутренней схизмы и утверждения «дискретности» в себе самом, с раскола своей целостной полноты на два противоборствующих начала — мужское и женское». В этом и состоит Прометея «первый мятеж, первая вина» [6, т.2, 161].

Высказанные Ивановым мысли во многом созвучны учению Григория Нисского — одного из основателей христианской антропологии. «Человеческая природа есть середина между двумя крайностями, отстоящими друг от друга, — писал он в своей книге «Об устройении человека», — природой божественной и бесплотной и жизнью бессловесной и скотской. Ведь в человеческом составе можно частично усматривать и то и другое из названного: от божественного — словесное и разумательное, что не допускает разделения на мужское и женское, а от бессловесного — телесное устройство и расположение, расчлененное на мужское и женское» [9, 52-53]. Иными словами, пол — одно из проявлений животного (в терминологии Иванова — титанического) начала в человеке.

Как «первородный сын Зевса», Дионис обладает всей полнотой бытия. Именно в этом контексте следует рассматривать утверждение Иванова, что «Дионис не женский только, но и мужской бог» [5, 166]. Раздробляя свое естество, Прометей искажает в себе образ «вечного Младенца». Это несовершенство передается и его детям, прообразом которых явилась Пандора. Создавая человеческий род, Прометей творит «себя в подобии смертном» [6, т.2, 112], как сказала одна из Океанид. В людях титаническое начало проявляется во внутренней обособленности каждого индивида. В человека вложена искра божественного огня, но целостный образ Диониса искажен. Как замечает Иванов, титан творит «двуполое и дробное множество, неравную и от колыбели междоусобную семью» [6, т.2, 167].

Суть титанического начала заключается в «разделении и взаимопротивлении», когда всякое «я» желает стать центром мироздания, поглощая и уничтожая все, что «не-я». Каждый из титанов хотел бы наполниться Дионисом «для себя одного и в обособлении от других». Они еще не могут

«слиться с ним целостно, в любви», а приобщаются «его светлому естеству путем насилия и космического преступления» [5, 167-168]. Таковы и чада Прометея, попадающие в плен к материальной стихии. «Нам свела б огонь из сердца сокровенного Пандора!» [6, т.2, 149], — мечтают «потомки каиновы» о чуде, которое заменило бы собой внутреннее духовное самосовершенствование. В трагедии люди не только совершают братоубийство, но и легковёрно предают своего создателя, соблазненные дарами Пандоры. Получается, что слаб человек и немощен, наивен и легковёрен. Но это обманчивое впечатление. «Вызывая к бытию род человеческий», титан «знает, что будет им предан и распят, и все же верует, что им же будет и спасен» [6, т.2, 168], — говорится в авторском комментарии. Надежда на искупление связана с «семенем небесного огня», что живет в людях. С помощью человека Прометей «мнил Титанов / Исправить дело, мать искупить / И бытие свободное восставить» [6, т.2, 147]. Изживая в себе титаническое начало, Прометеевы дети должны прийти к свободному согласию и соборному единству, добровольно отказавшись от ложного самоутверждения в ущерб другим. Только этот путь позволит восстановить целостный облик Диониса, и тогда человечество пресуществится во «Всечеловека», «единого Адама» [6, т.3, 380]. Понятно, что в теперешнем состоянии «войны со всеми всех» прометеевы дети слишком далеки от идеала. И не случайно человек в трагедии уподобляется семени. «Чтоб истлеть, / Посеян ты на ниву Геи темной», — говорит Автодику его создатель. «А сеял — ты», — дерзко отвечает он своему отцу [6, т.2, 118]. Уподобление семени означает, что человечеству еще предстоит долгий и тернистый путь, прежде чем оно, сбросив с себя ветхие одежды, свободно соединится с Богом. Впрочем, тема «монантропизма», как Иванов назвал свое учение о «едином Адаме» [6, т.3, 379-380], в трагедии только обозначена. Детально она разработана в других произведениях и, прежде всего, в мелопее «Человек».

Любопытно, что в трагедии люди сами являются сеятелями. Но их сея лишь подчеркивает заботу о хлебе насущном, плененность «титанической» стихией. «Потребны / И дождь во благовременье, и ведро / На наш посев» [6, т.2, 136], — такой отклик у земледельцев находит приносимая Прометеем жертва богам. «Потомки каиновы» желают выстроить взаимоотношения с небожителями сугубо в материальной плоскости. Они ищут внешние пути, но человеку предуготовлен внутренний путь. Сеятель сам является семенем. «Из микрокосма, как из горчичного зерна, должно вырасти грядущее религиозное сознание» [6, т.3, 267], — эти слова из ранней работы Иванова

«Ты еси» показывают, что сея Прометея должен дать всходы во внутреннем мире человека.

Умирающее, а затем воскресающее зерно — общий для дионисовой религии и Евангелия образ. Иванов часто использовал его, чтобы подчеркнуть их внутреннюю преемственность [4, 45]. В трагедии зерно (семя) имеет, тем не менее, дополнительный смысл. Евангельский образ содержит прозрачный намек на «новый завет в эллинстве» — «мистическую религию» Диониса, которая придет на смену «ветхозаветному» времени и которая даст человеку надежду на искупление. Как отмечал еще А.Ф. Лосев, «подлинной темой трагедии и единственной ее внутренней проблемой» является «освобождение Прометея и созданных им людей» [8, 242-243].

«...Орфики воссылали молитвы за титанов как виновников первородного греха, — писал Иванов в книге «Дионис и прадионисийство». — Это были вместе и молитвы о мировом искуплении, которое мыслилось только чаемым в эпоху грядущей... Разрешение титанов от уз знаменует начало нового Зевсова царства, нового завета между небом и землей» [5, 185]. Это высказывание вновь заставляет вспомнить Григория Нисского, учившего об «апокатастасисе» — конечном восстановлении поврежденного первородным грехом бытия. «...Достигши границы зла, когда окажемся в крайности греховной тьмы, мы снова заживем в свете» [9, 68], — утверждал христианский святой.

Произведение завершается пленением Прометея, торжеством титанической стихии в его чадах. Но надежда на «апокатастасис» придает финалу иной смысл. «Счастливые, причастны вы огня / Небесного, как вы греха причастны», — поведала людям тайну их происхождения Пандора. Человек, в котором живет Дионисова искра, онтологически превосходит титанов, знающих «лишь вины / Ярем извечный, да горячий пламень / Снедающий, злокозненный, голодный, / Да Матери голодную тоску» [6, т.2, 147]. Пибель Пандоры и пленение Прометея в финале трагедии означают, что титаны уходят со сцены мировой истории. На их место приходит человек, который в конце времен уступит место «единому Адаму».

Очертить глубокий круг философских проблем в небольшом художественном тексте автору помогает, говоря словами А.Ф. Лосева, «древнейший космогонизм античного мифа» [8, 244]. Миф для Иванова — не только эстетическая категория, но и антропологическая. «Подобно солнечному лучу», символ-миф, нисходя «из божественного лона», «прорезывает все планы бытия и все сферы сознания» [6, т.2, 537]. Миф есть «объективная правда о сущем» [6, т.2, 554]. В нем, утверждает Иванов, не может быть ничего субъективного. «Творят миф — боги» [6, т.2, 558], а получают

откровение — художники и поэты. Любопытно, что в «Свете не вечернем», главном философском труде Сергея Булгакова, чуть ли не слово в слово воспроизводится ивановская «метафизика символизма». Христианский мыслитель облачает цветистую мысль своего современника в тесные богословские одежды. На этом пути ему удастся найти удачную формулировку: «Содержание мифа относится к области бытия божественного, на линии соприкосновения с человеческим» [2, 76]. Именно под таким углом и следует рассматривать трагедию «Прометей».

И не случайно в произведении создается «образная реальность, лишенная психологических и прочих обертонов, которые могли бы эмпирически осложнить лицемерие основной идеи» [7, 257]. Ту же функцию выполняет и авторский комментарий, предпосланный трагедии. Поэт творит «священную историю» и сам же её интерпретирует, продолжая тем самым идущую от неоплатоников традицию философской экзегезы мифа.

Миф Иванов понимал как откровение о глубочайших тайнах мироздания, получаемое человеком. Таковым откровением и явилась трагедия «Прометей». Древний миф, заново переосмысленный, позволяет автору трагедии предложить свои ответы на вечные философские вопросы о жизни и смерти, происхождении мира и предназначении человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Царство духа и царство Кесаря / Н.А. Бердяев ; сост. и послесл. П. В. Алексеева ; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. — М. : Республика, 1995. — 383 с. — (Мыслители XX века).

2. Булгаков С.Н. Первообраз и образ : сочинения : в 2 т. / С.Н. Булгаков ; [подгот. текста, вступ. статья И.Б. Роднянской; коммент. В.В. Сапова, И.Б. Роднянской]. — СПб. : Инапресс, М. : Искусство, 1999.

Т.1. Свет не вечерний. — 416 с.

3. Герасимов Ю.К. Неоконченная трагедия Вячеслава Иванова «Ниобея» / Ю.К. Герасимов // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1980 год. — Л. : Наука, 1984. — С. 178-203.

4. Доценко С.Н. Об одном примере анаграмматического построения текста : Вяч. Иванов / С.Н. Доценко // De visu. — 1993. — № 6. — С. 44-45.

5. Иванов В.И. Дионис и прадионисийство: монография и статьи / В.И. Иванов. — СПб. : Алетейя, 1994. — 341, [2] с. — (Антич. б-ка. Исследования).

6. Иванов Вяч.И. Собрание сочинений : в 4 т. / Вячеслав Иванов; [под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт]. — Bruxelles : Foyer Oriental Chr tien, 1971–1987.

7. Келдыш В.А. Вячеслав Иванов и Достоевский / В.А. Келдыш // Вячеслав Иванов : материалы и исслед. — М. : Наследие, 1996. — С. 247-261.

8. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. — 2-е изд., испр. — М. : Искусство, 1995. — 320 с.

9. Нисский Григорий. Об устройении человека / Григорий

Нисский ; пер., прим. и послесл. В.М. Лурье. — СПб. : Аксиома, 1995. — 176 с.

10. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше ; [сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна; пер с нем]. — М. : Мысль, 1997. — (Филос. наследие). — Т.1. — 829 [2] с.

*Газета "Липецкая газета" Липецкой области
Кибальниченко С.А. редактор отдела общественно-политической жизни "Липецкой газеты"
Gazeta "Lipetskaya gazeta" Lipetsk region*

Kibalnishenko S.A. chief of social & political department of editorial staff "Lipetskaya gazeta"